

Гуманитарное знание

Выпуск 14

2010

Научные горизонты

Сборник статей

Гуманитарное знание. Выпуск 14

«Астерион»

2010

Сборник статей

Гуманитарное знание. Выпуск 14 / Сборник статей —
«Астерион», 2010 — (Научные горизонты)

В четырнадцатом выпуске сборника научных статей «Гуманитарное знание» содержатся статьи по филологии, культурологии, педагогике, проблемам управления хозяйства. Ученые из разных регионов страны рассматривают актуальные вопросы социального, экономического и культурного развития России и человеческой цивилизации в целом. Сборник адресован специалистам в области гуманитарного знания, а также всем, кому интересна современная научная жизнь.

© Сборник статей, 2010

© Астерион, 2010

Содержание

Культурология	5
Д. С. Домрачье	5
В.Л. Соловьева	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Гуманитарное знание

Культурология

Д. С. Домрачье

Языковой раскол культуры Норвегии и проблема идентичности сообщества нюношк

В Норвегии сложилась своеобразная языковая ситуация: там сосуществуют два официальных варианта норвежского литературного языка – bokmål (букмол; букв. «книжный язык») и nynorsk (нюно-шк; букв. «новонорвежский»)¹. Доминирующим вариантом является букмол (его используют 88 %, ~ 4 000 000 норвежцев), отражающий особенности юго-восточных диалектов и датского письменного языка. Нюношк (12 %, ~ 600 000) появился в XIX в. благодаря деятельности норвежского поэта и лингвиста И. Осена, синтезировавшего преимущественно западно-норвежские диалекты, и создавшего на их основе новую письменную норму. Важно подчеркнуть, что оба этих письменных варианта, как и их носители, имеют в Норвегии абсолютно равные права с 1885 г.

Становление нюношк и букмола происходило, с одной стороны, на фоне жесткой политической борьбы, сопровождавшей выход Норвегии из унии с Данией в 1814 году², а с другой, – поиска национального самосознания и языка, вдохновленного идеями романтизма. «В XIX в. язык считался выражением национального единства, идентичности и суверенитета одновременно. Сосуществование двух письменных языков расценивалось, следовательно, как символ разделенности, незавершенности и несовершенства нации. <...> Даже различие в названии страны – Norge vs. Noreg – уже являлось симптомом ограниченности любой попытки конструирования национального единства и идентичности» [2, с. 47–48]. Таким образом, с самого начала за поддержкой букмола и нюношк стояли социальные силы, представлявшие противоположные политические, но главное культурные, полюса Норвегии. Эта ситуация в основе своей мало изменилась за последние 160 лет.

Данная статья посвящена анализу культурной идентичности носителей нюношк, рассматриваемой здесь в семиотической перспективе. Поскольку норвежский кейс является в своем роде уникальным (по крайней мере, нигде в Европе не существует такой же языковой и культурной ситуации), культурологический подход к анализу идентичности сообщества нюношк является весьма актуальным для отечественного гуманитарного знания, т. к. позволяет по-новому взглянуть на базовые концепции культурной и языковой идентичности, а также межкультурной коммуникации.

Чтобы приступить к анализу культурной идентичности носителей нюношк, необходимо, прежде всего, определить, что такое идентичность. С общефилософской точки зрения, идентичность (от лат. *identicus* – «тождественный», «одинаковый») – это то, что делает сущность определяемой и узнаваемой, а в терминах обладания – это набор качеств и характеристик,

¹ До языковой реформы 1929 г. букмол и нюношк были известны под другими названиями. Букмол назывался «датско-норвежским языком», «риксмол» (норв. «*riksmål*» – «государственный язык»), или «официальным языком». Нюношк же был известен под названием «лансмол» (норв. «*landsmål*» – «язык страны»).

² В 1814 г. Норвегия освободилась от унии с Данией, длившейся более 400 лет, – периода, получившего в норвежской истории название «датское время» («*danske tida*»). В тот период Норвегия попала в полную политическую, экономическую, но главное, культурную зависимость от Дании. Одним из последствий этой культурной ассимиляции стала гибель норвежского письменного языка, который постепенно был заменен датским.

отделяющих одну сущность от сущностей другого типа [7]. Идентичность не является гомогенным феноменом. Это означает, что идентичность, как система различий, может иметь разные уровни организации и рассматриваться как, например, индивидуальная (самоидентичность человека), социальная (соотнесенность индивида с определенной группой людей), культурная (соотнесенность человека с определенной культурой), и т. д. Для понимания феномена идентичности в данной статье используется концепция семиосферы Ю. Лотмана.

Следуя семиотическому подходу Лотмана, письменную культуру ньюношк можно рассматривать как семиотическую субсистему в семиосфере Норвегии. Одним из фундаментальных свойств любой семиотической системы является граница [1, с. 11–25]. Это свойство обусловлено определенной однородностью и «индивидуальностью» любой такой системы. Семиотическая граница – это сумма билингвальных переводческих «фильтров», переход сквозь которые переводит текст на другой язык (или языки), находящиеся вне данной семиосферы. «Замкнутость семиосферы проявляется в том, что она не может соприкасаться с иносемиотическими текстами или с не-текстами. Для того чтобы они для нее получили реальность, ей необходимо перевести их на один из языков ее внутреннего пространства или семиотизировать факты. Таким образом, точки границы семиосферы можно уподобить чувственным рецепторам, переводящим внешние раздражители на язык нашей нервной системы, или блокам перевода, адаптирующим данной семиотической сфере внешний для нее мир» [1, с. 14]. Следовательно, чтобы понять культурную идентичность сообщества ньюношк, необходимо исследовать специфику его семиотической границы.

Анализ культурной идентичности носителей ньюношк в этой статье включает в себя два уровня рассмотрения – (1) внешний и (2) внутренний. В сущности эти два уровня определяют то, кто именно устанавливает, поддерживает, или просто разделяет систему различий, формирующих идентичность. Так, на первом уровне в центре внимания находится набор тех параметров, по которым другая социальная группа (например, исследователи, или носители букмола и т. д.) идентифицируют культурное сообщество ньюношк. Здесь также является актуальным и то, какое место занимает эта идентичность в общенорвежской перспективе. На втором уровне рассмотрения идентичности – внутреннем – важным становится, прежде всего, то, как сами носители письменной культуры ньюношк определяют собственную уникальность. Эти два уровня имеют тесную взаимосвязь и порой их трудно разделить, например, когда исследователь (т. е. субъект, абстрагирующийся от изучаемого им объекта – культурного сообщества ньюношк) сам является носителем ньюношк.

Важнейшей объединяющей силой сообщества ньюношк является, безусловно, общий код, или язык в его лингвистическом понимании. Именно язык лежит в основе разделения общенорвежской идентичности на национальном уровне [3, с. 16]. Для характеристики этой культурной и языковой ситуации в норвежском языке существует термин «språkkløyvede kultur» – букв. «расколотая языком культура». Но две языковые идентичности, образующиеся в результате этого раскола, являются, в свою очередь, интегральными частями собственных культурных идентичностей. Иными словами, языки являются маркерами двух различных культур – букмола и ньюношк.

Территорию Норвегии можно условно разделить на две части – Вестланн (норв. «Vestland» – «Западная земля») и Эстланн (норв. «Østland» – «Восточная земля»). Традиционно Вестланн является «оплотом» сельской и прибрежной культуры Норвегии, где издревле преобладают такие виды хозяйственной деятельности, как фермерство и рыболовство. Культура же Эстланна ассоциируется больше с культурой городской, позже – индустриальной, т. к. эти районы Норвегии наиболее заселены и урбанизированы. Языковое и культурное влияние Дании, таким образом, было наиболее интенсивным именно в Эстланне, особенно в столице Норвегии – городе Осло. Вестланн же оставался регионом, который был наименее затронут этим влиянием, хотя и здесь оно отчетливо проявлялось хотя бы в том, что класс бондов (сво-

бодных крестьян) все же использовал датский письменный язык. Таким образом, именно диалекты и традиционная сельская культура Вестланна стали основой для нюношк, быстро оказавшись в конфронтации с культурой города, символом которой стал букмол.

Процесс формирования культурной идентичности сообщества нюношк можно условно представить в виде «борьбы» двух пар бинарных оппозиций – (1) консерватизм-модернизм и (2) уникальное-глобальное. Первая бинарная оппозиция была связана с тем фактом, что нюношк, по крайней мере, как его задумывал И. Осен, не должен был стать языком архаичным, или «стародавним», т. к. это шло в разрез с принципами «языковой идеологии» Осена. Так, носители нюношк активно опровергали обвинения представителей письменной культуры букмола в том, что нюношк является устаревшим языком. Таковым они считали, наоборот, букмол, т. к. тот был основан на консервативной, но главное чуждой Норвегии, традиции датской письменной культуры. По мнению И. Осена, нюношк одновременно сочетал в себе качества языка современного и «народного», что должно было помочь обеспечить доступ широких слоев населения (главным образом, крестьян) к тем демократическим свободам, для которых, в первую очередь, и требовалась грамотность. Несмотря на то, что некоторые образованные бонды хорошо владели датским языком, для многих он все же оставался трудным, т. к. его орфография мало, или совсем, не отражала особенностей того или иного норвежского диалекта.

Вторая оппозиция – уникальное-глобальное – отражала культурную и лингвистическую самобытность нюношк как подлинного норвежского языка. Главным аргументом культурного сообщества нюношк против букмола всегда было заявление о том, что нюношк, в отличие от букмола, является настоящим (подлинным) норвежским языком. Аргументом же сторонников букмола было утверждение о том, что исторически букмол имеет не меньше оснований считаться подлинно норвежским, чем нюношк. Более того, по их мнению, благодаря своей причастности к датской письменной традиции, письменная культура букмола давала больше преимуществ в процессе глобализации Норвегии, чем, опирающийся на традиционные норвежские ценности, нюношк.

Таким образом, две пары бинарных оппозиций – консерватизм-модернизм и уникальное-глобальное – отражают основную суть конфликта двух контр-культур, маркерами которых выступают нюношк и букмол. Что также следует из вышеизложенного, культурная идентичность сообщества нюношк исторически формировалась в противовес идентичности носителей букмола. Когда в XIX в. нюношк сформировался в качестве самостоятельного письменного языка и стал активно использоваться народными интеллектуалами в Вестланне, т. е. когда он стал обретать реальный социальный и культурный вес, незамедлительно последовала реакция его противников – «городской элиты». Язык, как символ начавшейся языковой борьбы, стал, таким образом, интегральной частью культурных идентичностей двух конфликтующих между собой социальных групп – крестьян и городской элиты. Культуры деревни и культуры города. Но, поскольку эти две социальные группы имели более или менее явные «региональные корни», противостояние нюношк и букмола неизбежно превратилось в противостояние культуры Вестланна и культуры Эстланна.

Об общей тенденции развития отношения носителей букмола к культурному сообществу нюношк на современном этапе говорят данные исследования А. Робю (Anne-Berith Råbu) [6]. В 1990-х гг. А. Робю изучала отношение к носителям письменной культуры нюношк среди учащихся Ставангера. Примерно 90 % респондентов заявили, что «бонды – это те люди, которые чаще всего используют нюношк как основной язык» [6, с. 150]. Около 60 % респондентов посчитали, что типичный носитель нюношк живет в сельской местности, или на ферме. Принадлежность к той или иной письменной культуре влияет и на список прилагательных, характеризующих официальный статус ее носителей (например, «интеллектуалы», «городские жители», или «высоко образованные» и т. д.). Исследование Робю показало, что в этой части

все складывается не в пользу нюношк [6, с. 77]. Многие респонденты описывают типичного носителя письменной культуры нюношк, как «низко образованного, старомодно одетого человека из сельской местности» [6, с. 89]. На основе полученных ответов респондентов, отчетливо выстраивается картина, изображающая пространство сельской местности в Вестланне, где типичным представителем культурного сообщества нюношк выступает сельский житель. «И этот человек является «"бондом", чье обозначение – синоним "глупости" и "недалекости"» [6, с. 92].

Данные вышеприведенного исследования указывают на тот факт, что «негативная идентификация» типичного представителя сообщества нюношк мало изменилась со времени начала языковой борьбы, т. е. со 2-й пол. XIX в. Набор параметров, связывающих нюношк с традиционной сельской культурой Вестланна, также остался прежним. Роль образа Вестланна, как ойкумены нюношк, вполне очевидна в конструировании внешней идентичности носителей этой письменной культуры. «Нюношк – больше, чем просто язык. Нюношк – это не только письменный код или один из вариантов норвежского языка. Нюношк является также полноценной письменной культурой, получившей свою культурную самобытность за 150 лет ее использования и развития. Нюношк и букмол суть отправные точки для каждой из своих письменных культур, которые пережили длительный период контраста, и которые противостояли друг другу по нескольким пунктам: основаниям разговорного языка, национальной основе, социально-культурному якорю, географическому распределению, количеству носителей, общим политическим рамкам и т. д. [...] Когда кто-либо, применяя термин "форма языка", говорит о нюношк и о букмоле как о двух разных формах одного и того же языка, норвежского, он находится в опасности пропустить то, что есть две разные письменные культуры в языковом расколе единой норвежской культуры» [3, с. 17–18].

Изучение идентичности носителей нюношк на внутреннем уровне предполагает анализ того, как они сами идентифицируют собственную культуру. И здесь необходимо подчеркнуть тот факт, что это сообщество не является культурной автономией, в которой нюношк мог бы быть миноритарным языком, т. е. языком этнического меньшинства. Несмотря на то, что, по ряду формальных признаков, некоторые исследователи относят нюношк к миноритарному языку (Н. Uri, F.-E. Vinje и др.), а его носителей даже к отдельной этнической группе [10], существует, тем не менее, ряд аргументов против такого рода заключений. К ним относятся, в частности, высокая степень институализации нюношк [3], большое, по сравнению со многими другими миноритарными языками, число его носителей³, высокая степень интегрированности в норвежское общество и ряд других. Но важнейшим контраргументом против того, чтобы считать сообщество нюношк культурной автономией является все же сам тип идентичности его представителей. Эта идентичность, основанная на осознании собственной языковой и культурной уникальности, является, одновременно с этим, и частью общей идентичности Норвегии. Иными словами, человек, использующий нюношк, по ряду причин, считает себя отличным от человека, предпочитающего букмол, но они оба считают себя и друг друга равноправными представителями культуры Норвегии.

Одним из характерных индикаторов внутреннего уровня идентичности у носителей нюношк является использование ими двух квази-топонимов – «Нюношкланн» (норв. «Nynorskland» – букв. «Страна Нюношк») и «Букмолланн» (норв. «Bokmålland» – букв. «Страна Букмола»). Употребление этих квази-топонимов подчеркивает, что для носителей нюношк в Норвегии существует особая область, характеризующаяся собственными языковыми, географическими, социальными, но главное культурными границами, противопоставляемая «другой Норвегии» – «Норвегии Букмола». Х. Венос (K.L. Venås) указывает в связи

³ По данным английского лингвиста Д. Кристала (D. Crystal), 5000 языков на нашей планете используют меньше, чем 100 000 человек (David Crystal: «This man is worth J100,000 a year», High Life, June 2000, p. 104.)

с этим: «в стране есть область, где нюношк занимает настолько сильную позицию, что это дает определенное право использовать для ее обозначения термин “Новая Норвегия”» [8, с. 363]. Употребление этих квази-топонимов свидетельствует также и об отсутствии у Норвегии общего «центра культуры». О. Грестад характеризует эту ситуацию так: «Конституционно Норвегия является одним государством с одним центром. Культурально же Норвегия больше напоминает федерацию со множеством центров. На Севере Буде и Тромсе все еще оспаривают друг у друга звание центра Северной Норвегии. Для большинства эмигрантов Гренланд в Осло является центром, а в Ховдебюгде в регионе Суннмере находится здание культурного центра Нюношк. В самом его названии заключен политический меморандум о том, что существует больше центров, чем одна столица, и что письменная культура нюношк сама по себе имеет культурный вес» [3, с. 1].

Одним из первых исследований, посвященных изучению «жителей Нюношкланна» была работа А. Нюрнес (A. Nyrnes) «Det (ny)norske mennesket» (1985). Термин «det (ny)norske mennesket» (букв. «(ново)норвежский человек», «(ново)норвежец»), используемый автором, соответствует понятию «носитель нюношк», употребляемому в данной статье, хотя он менее нейтрален. В работе Нюрнес, основанной на анализе материала семейной газеты «For bygd og by» (здесь и далее – FVB – прим. Д.Д.) («Для деревни и города»), автор изучает мировоззрение «(ново)норвежского человека». В обзоре изданий FVB за 1927 г. Нюрнес находит описание идеального типа носителя нюношк: «новононвежец разумен и сбалансирован, достойный представитель крестьянства, но также весьма индивидуалистичный» [5, с. 109–110]. Исследование показало, что (ново)норвежец живет в сельской местности и, естественно, использует нюношк, но, вместе с тем, его нельзя назвать и «оторванным» от «доминирующей культуры» [5, с. 120]. Образ культурной идентичности, который выстраивается на основе анализа FVB, находится в некоторой оппозиции к идентичности рабочих, но его противостояние с доминирующей городской культурой все же значительнее. Основным вывод работы Нюрнес можно представить следующим образом: журнал FVB способствует формированию и, одновременно с этим, является зеркалом «идентичности романтического национализма» с четкой взаимосвязью между «народом, духом, языком и нацией» [5, с. 121].

Самым крупным исследованием вопроса культурной идентичности нюношк за последнее время стала работа О. Хеллеви-ка (O. Hellevik) «Nynorskbrukaren – kven er nan?» («Носитель нюношк – кто он?»). Материал для своего исследования О. Хеллевик собрал в 90-е гг., участвуя в социологическом проекте «Norsk Monitor» («Норвежский Монитор»). Всего в этом социологическом исследовании приняло участие 28 111 норвежцев достигших 15 лет. Его участникам задавался самый широкий круг вопросов. Анализ данных «Norsk Monitor» показал, что письменная культура нюношк тесно связана с рядом других контр-культур, помимо языковой борьбы, в семи-осфере Норвегии. В исследовании Хеллевика таких контр-культур выделяется, по меньшей мере, три – «lekmannskristendom» («мирянство»)⁴, «fråhaldssak» («абстинентство»⁵), и контр-движение противников централизации и вступления Норвегии в Евросоюз. Данные различных опросов подтверждают тот факт, что большинство представителей вышеперечисленных контр-культур связаны общим использованием нюношк как основного письменного варианта. «Те, кто считают себя мирянами, чаще являются носителями нюношк, чем те, кто ответил “нет” на этот вопрос. Те, кто заявляют, что никогда не пробовали алкоголь,

⁴ Термин «lekmannskristendom» (также – «personaleg kristne», «troende kristne», или «bekjennende kristne») в общем смысле обозначает группу лиц, которые являются членами церкви, но которые не определяют себя как христиан. Согласно традициям «народной религиозности» они ходят в церковь, чтобы крестить, подтверждать своих детей, вступить в брак, или похоронить своих близких. Как правило, их религиозные практики ограничиваются вышеперечисленными, за исключением, разве что, участия в празднике Рождества и Дня Всех Святых.

⁵ Абстинент (от лат. abstinentis (abstinentis) «воздерживающийся») – в общем смысле сторонник воздержания от чего-либо. Чаще всего подразумевается воздержание от употребления спиртных напитков.

намного чаще являются носителями нюношк, чем те, кто употребляют алкоголь часто или иногда» [9, с. 121]. Данные «Norsk Monitor» позволяют также сделать выводы относительно ценностной сферы носителей нюношк. Так, среди представителей этой письменной культуры явно преобладают люди с традиционным (целомудрие, сбалансированность, безопасность и т. п.), идеалистическим (ориентация на внутренний мир (духовность), творчество, ценность человеческих отношений (близость, забота), окружающая среда, здоровье и т. п.) и политически радикальным (желание похожести, ценность общественных решений, приоритет заботы об окружающей среде; толерантность, индивидуальность, неприятие авторитетов, уравнивание и т. п.) восприятием жизни [9, с. 123].

Приведенных выше данных достаточно для того, чтобы сделать основные выводы относительно проблемы культурной идентичности носителей нюношк. Во-первых, как видно из всего вышеизложенного, нюношк и букмол не являются только двумя различными лингвистическими кодами, или вариантами одного и того же языка. С культурологической перспективы, их скорее следует считать маркерами двух контр-культур Норвегии, которые находятся в постоянной борьбе друг с другом. Борьба эта ведется за освоение нового социального пространства. Примечательно также то, что эта борьба имеет «дискурсивный характер». Это означает, что норвежский языковой и культурный конфликт никогда не решался силовыми методами. Во-вторых, письменная культура нюношк имеет сильные региональные связи, являясь одновременно интегральной частью идентичности сообщества носителей этой письменной культуры. Тем не менее, это сообщество нельзя считать культурной автономией, т. к. его интеграция в общую культуру Норвегии довольно высока. Такое сочетание региональной и национальной идентичностей делает культурное сообщество нюношк поистине уникальным. В-третьих, норвежский кейс, как это было показано в этой статье, дает уникальный пример диалога культур, построенного, по сути, на их конфликте. В семиосфере всегда сосуществуют разные языки, понимаемые с той или иной степенью абстракции. Любая культура – это своеобразный «пучок семиотических систем». Разнообразие этих систем и наличие коммуникации между ними является обязательным условием, или даже творческой силой (Ю. Лотман), для развития семиосферы.

В случае с Норвегией, такой творческой силой является языковая борьба, за которой стоит, как это было показано в этой статье, столкновение двух различных культурных идентичностей.

Библиографический список:

1. Лотман, Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах. Статьи по семиотике и топологии культуры. Т. 1. – Таллин: Александра, 1992. – 472 с.
2. Fulsnes, N. Historical contexts for New Norwegian written culture //Modernity, Nation, Written Culture. – Bergen: Burgess&Monsson eds, 2002. – S. 31–49.
3. Grepstad, O. Eitt nynorskrike? Om regionalisering av nynorsken. Foredrag på konferansen «Strukturendringar i Kommune-Noreg», Ivar Aasen-tunet 25.04.2003. Orsta, Nynorsk kultursentrum, 2003.
4. Hellevik, O. Nynorskbrukaren – kven er han? //Kampen for spraket: Nynorsken mellom det lokale og det globale. – Oslo: Det Norske Samlaget, 2001 – S. 117–140.
5. Nyrnes, A. Det (ny)norske mennesket. – Oslo: Det Norske Samlaget, 1985.
6. Rebu Anne-Berith. To ulike norskfag? En undersøkelse av holdningene til nynorsk som sidemål blant elever i ungdomsskolen og den videregående skolen. Hovedoppgave i nordisk språk og litteratur. Institutt for nordistikk og litteraturvitenskap, Universitetet i Oslo. – Oslo, 1997.
7. Stanford Encyclopedia of Philosophy// Identity – <http://plato.stanford.edu/entries/identity/> (Дата обращения: 18.03.2010).

8. Venes, K. Med nynorsk ilOOer. Fyrst trykt i Mel og maktl986, gjengitt i Melvitskap og målrakt. Festskrift til 70-årsdagen 30. november 1997. Novus forlag. – Oslo, 1997 – S. 346–366.
9. Vestad, J. P. Etnisitet og nynorsk // Arbeidsrapport nr. 147, Høgskulen i Volda, Møreforskning Volda, 2003.

В.Л. Соловьева

**Влияние промышленного развития и средств
коммуникации на культуру повседневности
шведского и Норвежского общества
последней трети XIX – начала XX вв**

Крайне важно для понимания культуры Швеции и Норвегии последней трети XIX – начала XX вв. рассмотреть особенности развития средств коммуникации данных стран, позволяющие определить специфику модернизационных процессов и особенности социокультурной трансформации в указанный период.

Швеция и Норвегия были одними из последних стран Европы, где началась индустриализация. Благодаря, в основном, английским, немецким, французским и американским капиталовложениям, Швеция и Норвегия смогли не просто поднять свой экономический и технологический уровень развития, но сделать много научных открытий и улучшить уже имеющиеся технологии. Лучшая в мире бумажная и спичечная промышленность, усовершенствования в горном и инженерном деле, металлургии или же изобретение паровой турбины, сепаратора, настольного телефона и т. д., все это оказало сильное влияние на повседневный быт шведов и норвежцев. Но, пожалуй, наиболее сильное воздействие на социокультурную трансформацию шведского и норвежского общества оказали новые средства коммуникации, такие как железные дороги, трамваи, телеграф и телефон.

Первая железная дорога в Швеции была построена в 1856 г. [7, с. 191]. Шведские капиталы не позволяли самостоятельно строить железные дороги, поэтому государство брало займы за границей. Железнодорожные пути прокладывали как в густонаселенных районах центральной и южной Швеции, так и в малонаселенных округах, чтобы ускорить их развитие [7, с.184]. Норвегия не отставала от Швеции в развитии транспортных средств. Со второй половины XIX века стали активно строить железные дороги, хотя строительство затруднял изрезанный фьордами горный ландшафт страны. Необходимо было строить туннели, шоссе и мосты. С 1870-х гг. ежегодно на все большее расстояние прокладывались дороги с твердым покрытием: 1860 год – 17 933 км, а в уже 1900 – 28 591 км. Первый поезд, построенный английской компанией, был пущен 1 сентября 1854 г. между Эйдсволлом и Кристианией [3, с. 296]. Протяженность данной железной дороги была всего 68 км, но принесла колоссальные доходы и послужила толчком для дальнейшего развития железнодорожного транспорта [8, с.183].

С середины XIX века в больших количествах стала добываться нефть, люди начали использовать керосиновые лампы, сменившие свечи и смолистую лучину. В больших городах для освещения улиц употребляли газ. Серьезные изменения в жизнь шведов и норвежцев внесла электротехника. После того как инженеры научились извлекать электрическую энергию из воды, ее стали распространять на большие расстояния. Электричеством стали пользоваться промышленные предприятия и частные дома [1, с. 365].

В Швеции в 1850-х годах стал работать электротелеграф [7, с. 191], в 1870-х – появляется телефон, в 1880-х в города проводят электроосвещение [7, с. 202]. В 1892 г. была построена первая коммунальная электростанция в Стокгольме, в 1895 г. в Швеции электрифицировали железную дорогу в Юрхольмене [7, с. 216].

В Норвегии электрическое освещение входит в обиход с 1870-х гг. На рубеже XIX–XX вв. около одной десятой части норвежских домов были подключены к электрическому освещению, а к 1920-м годам уже две трети домов. Электрическая энергия позволила использовать в жилых домах электрические обогреватели, пылесосы и утюги, которые появились на норвеж-

ском рынке в начале 1900-х гг. Не менее важным было использование электричества для улучшения средств коммуникаций [9, с. 145–149].

Развитие электричества и транспорта, появление автомобилей и трамваев на улицах Швеции, как и других крупных европейских городов, привели к возникновению дачных городков, среди которых были широко известны Стокгольмские Лидинг, и Сальтшбатен [4, с. 126]. Образование подобных дачных городков являлось отражением нового уклада жизни шведов, пришедшего с развитием промышленной культуры и ориентированного на семейную жизнь вдали от бурно развивающегося и сильно загрязненного промышленными отходами города. За город переезжали люди среднего и привилегированного высшего класса, но если последние имели собственные виллы, то первые в основном арендовали дома, плата за которые была, ниже городской, также это была возможность окружить себя людьми равного социального положения и отдохнуть от однообразной работы в городе. Загородные поселки организовывались как по социальной стратификации, так и профессиональной, в одном могли жить преимущественно служащие, в другом учителя, врачи и ученые.

Так, названный дачный городок для высшего класса Сальтшбатен, основанный в 1891 г., располагался на морском побережье, а созданный ранее на два года Юрскольм – в лесу. Городки для рабочих и среднего класса, такие как Сульхем и Дювбу, для удобства чаще всего возводили вблизи железнодорожных станций и заводов. Каждым поселком управляло собственное акционерное общество владельцев или владельца данного земельного участка, оно отвечало за внутренние коммуникации (канализацию, уличное освещение, водопровод, газ, телефон и электричество), за строительство школ, состояние дорог и т. д. Также в каждом поселке был собственный регламент, в котором прописывался весь устав от размера домов и до содержания домашних животных [5, с. 460–462].

Норвегия наряду со Швецией стала одной из первых европейских стран, которые начали использовали электричество повсеместно. Развивающиеся коммуникации позволяли жить с удобствами не только в крупном городе, но и за его пределами.

Промышленное преобразование стран сильнее всего отразилось на социокультурной трансформации всего общества, в Норвегии, как и в Швеции, появление новых заводов и промышленных зон требовало либо создание жилой площади для рабочего класса, либо повышение их жизненного уровня. На протяжении 1870 и 1880-х гг. в восточной части Кристиании и других областях крупных городов условия проживания рабочих были на очень низком уровне, люди жили в крайне стесненных и достойных критике гигиенических условиях. Тем не менее, в период с 1870 по 1900 гг. в восточных и северных районах Кристиании в большом количестве строились блочные четырех и пятиэтажные дома с квартирами, сдающимися внаем. В квартиры со временем был проведен водопровод и газ. В большинстве своем они были однокомнатные или двухкомнатные с отдельной или коммунальной кухней на две семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.